

У сибиряка и Крым суров

Художник Герман Завьялов отчитался перед земляками выставкой

Он все чаще говорит «у нас», когда рассказывает о Крыме, о Судаче, где он провел зиму и весну. Но «у нас, в Крыму» спокойно уживается с «у нас, в Сибири». Как в разговоре, так и в живописи. Герман Завьялов уже несколько лет сближает в своем творчестве вечную оппозицию «Крым – Нарым». Правда, если раньше в выставочном пространстве морские пейзажи соседствовали с речными, натюрморты с грибами и дичью - с цветами и фруктами, то на выставке, открывшейся в середине августа в галерее «На Карташова,12», исключительно крымские этюды. Увы, любимый Нарым теперь недоступен из-за здоровья.

Но в южных работах, датированных 2009 годом, сибирского, пожалуй, даже больше, чем раньше. Если под «сибирским» понимать суровый монументальный стиль, свойственный нарымским и заполярным пейзажам. К такому выводу пришли старые друзья Германа Николаевича, которые за его творчеством следят давно. И народный артист России Дмитрий Киржеманов, открывавший выставку, и кандидат искусствоведения Лилия Овчинникова, и профессор СибГМУ Владимир Серебрянников, отмечали, что глаз художника поставлен так, что в сиюминутном видит вечное, в отдельном пейзаже или натюрморте – полноту мироздания, и даже этюды его масштабны по замыслу и исполнению.

Крым кисти Германа Завьялова непривычен – суров, без ярких красок, зелень и та приглушена белесой дымкой знойного марева. Если пишет море, то в его палитре преобладают серые, серо-белые, серо-жемчужные, серо-фиолетовые, серо-кобальтовые оттенки. Даже аквамарин и ультрамарин выполняют другую функцию: они не веселят глаз, не умиротворяют, а рождают ощущение величественности, скрытого драматизма. И море кажется холодным, недружелюбным, оно не располагает к приятному отдыху, а, напротив, напоминает о тяжелой работе рыбака или о непредсказуемой участи моряка.

Сам художник объясняет это тем, что не любит «гладкое море». «Я стараюсь идти во время шторма, когда волнение, когда тучи на небе». Предпочитает осеннее и зимнее море. В это время он пишет столкновение двух стихий – водной и воздушной. Отсюда и динамизм пейзажей, где главные персонажи вечной битвы - море и скалы, а свидетели ее – чайки. Луч света, пробивающийся сквозь серую завесу тумана, лишь усиливает драматизм.

Вода и камни – еще одна, и, пожалуй, главная тема на выставке «Крымские этюды». Эти пейзажи интересны движением водной массы. Море, обманчиво спокойное на горизонте, ближе к берегу вздымается волнами и разбивается о скалы в мелкую водяную пыль. Либо оно лижет своими белыми пенными языками берег.

- Камни мертвые, а вода все время шевелится, - так объясняет свой пристальный интерес к этой теме Герман Николаевич. - И море не бывает одинаковым. Оно все время дышит. Вроде как организм живой. А скалы - как держава такая. Хотя и море бывает плотным, стальным. Особенно когда идут грозы, оно тяжелое.

Другое дело – горы. Они сами по себе монументальны. Но чтобы подчеркнуть масштаб, художник помещает у их подножия маленькие белые домики, или старинную, XII века, апостольскую крепость. Генуэзская крепость (опознавательный знак местности) напоминает о богатой истории Крыма – о переселенцах из Греции и Рима, о Великом Шелковом пути, о Марко Поло и Митридате. Этот дух истории чувствуется в произведениях Завьялова.

Герман Николаевич хорошо знает историю Крыма. Но в его изложении она приобретает черты героического эпоса или мифологических сказаний. Современность же – карикатурные черты. Поэтому ничего из так называемых примет времени – особняков «новых крымчан», разрушающих привычный архитектурный облик Судака и его окрестностей, пляжей, заполненных обгорелыми до красноты туристами, бойких торговых старушек – не найдешь на его полотнах. Он не пускает в художественное пространство даже намек на коммерцию.

Сильнее всего суровый стиль чувствуется в аскетичном, типично мужском натюрморте – бутылка красного вина рядом с черным хлебом и рыбой. Эта работа напоминает о многочисленных произведениях Завьялова, написанных им во время одиссеи по рекам Западной Сибири. С одним отличием: тогда художник вместо вяленой тараньки предлагал полюбоваться свежесловленными карасями или плотвой.

Но и влияние юга чувствуется в работах сибиряка – художник все чаще обращается к цветочному натюрморту - жанру, несвойственному ему раньше. Декоративная природа Крыма диктует выбор фактуры. Но и эти натюрморты сделаны в завьяловской монументальной манере. Художник помещает цветы в открытое пространство – пишет их на фоне гор, на подоконнике с открытым окном. Либо цветы (розы или красная герань) вольно растут во дворе.

Есть на выставке «азиатский» натюрморт – с красной татарской скатертью, кувшином, фруктами и арбузом. Своей сочной яркой палитрой он выбивается из ряда других крымских этюдов. Насыщенный цвет. Жизнерадостное любование дарами природы. Акцент – на скатерти и кувшине, из-за них его можно было бы назвать этнографическим.

Природу возникновения этого восточного полотна Герман Николаевич объясняет случайно сложившимися обстоятельствами – в Судаче появился у него ученик по имени Сулейман, крымский татарин, тянувшийся к живописи. Вот у Сулеймана во дворе и писался этот натюрморт. И другой, где та же красная скатерть, и кувшин, и фрукты. Но круглый стол, на котором расставлены предметы, у зрителей рождает образ летающей тарелки или большого блюда. И вот эта «тарелка» волшебным образом перенесла стол с яствами из Крыма в Томск, на Карташова, 12.

Под определение «суровый монументальный стиль» точно попадает и внешность художника. Раньше это ощущение рождали крупной лепки лицо, фигура, шерстяной свитер, берет и седая борода. Теперь достаточно одной бороды. Из-за нее Завьялова в шутку друзья стали называть патриархом.

Впрочем, он и есть патриарх отечественной живописи. Юбилейные выставки, посвященные 70-летию художника, прошедшие в прошлом году в Москве и в Томске, прочно закрепили это определение за Германом Завьяловым. Выпускник Московского художественного института им. Сурикова, нашедший свою тему в изображении природы и людей Сибири и Крайнего Севера, своей реалистической «суровой» манерой вошел в десятку современных художников России, чей стиль и палитру ни с кем не спутаешь.

Эту десятку определяли искусствоведы Музея современного искусства в Москве. Те же специалисты называют Завьялова мастером, который чувствует форму, умеет несколькими мазками выпукло, объемно создать фактуру. «Прекрасная академическая выучка, безупречное владение формой позволяют художнику быстро «схватить» настроение природы, найти нужный тон для передачи уходящего солнца, облаков, кипения воды за бортом», - пишет о Германе Завьялове журнал «Антикварное обозрение».

Обычные зрители, не искушенные в искусствоведческих нюансах, отмечают позитивную энергетику картин. «Рядом с ними хорошо». «Смотришь и успокаиваешься». Именно такое чувство умиротворения я испытала рядом с незамысловатым по сюжету пейзажем – дорожка во фруктовом саду, залитая солнечным светом, на переднем плане – листья какого-то растения. «Хреновый сад» - шуточное авторское название картины, ибо на первом плане хрен растет. Человеческое и природное тепло манит зайти под ажурную тень от листьев. Но тут же понимаешь, что тень подчеркивает не прохладу, а звенящий от напряжения знойный день в Крыму.

Татьяна Веснина.

ЛЫКО В СТРОКУ:

«Мастер «разбирает» водную стихию на множество состояний: на горизонте – это тяжелая, плотная глубина, взятая насыщенным аквамарином, затем уже идет волна, ее рельеф моделируется тональными переходами серо-белого с кобальтом; и вот волна набирает силу, поднимаются гребни, подчеркнутые сложными полутонами аквамарина, кобальта, нежной зелени и белил. Апофеоз – встреча волны и камня, волна разбивается, рассыпается в белоснежную пену, брызжет водной пылью. Только многолетнее наблюдение водной стихии, верный глаз и точная рука могли создать такое внутреннее движение. Одухотворенная образность, блестящее мастерство художника и привлекает в его водных пейзажах восхищенных зрителей. На них можно смотреть без усталости. Они дают отдохновение души»

Надежда Назаревская, «Наследие. XX век», «Антикварное обозрение», 2008.